

УДК 141'32

Черняховская Ю. С.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Российская Федерация*

*Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени
Д. С. Лихачёва*

119072, г. Москва, Берсеневская набережная, д. 20, Российская Федерация

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ СИНТЕЗ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ИДЕАЛЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

АННОТАЦИЯ

Цель исследования состоит в выявлении идеалов и функций научно-технического романтизма как философского течения и явления отечественной политической культуры. На основе методов компаративного анализа, а также используя системный подход Т. Парсонса, автор проводит исследование идеалов научно-технического романтизма в их сравнении с традиционными ценностями и другими распространёнными ценностными системами. Результатом исследования становится выявление идеалов и функций научно-технического романтизма, среди которых первостепенное значение имеют адаптация, интеграция, целеполагание и формирование латентных образцов. Актуальность исследования феномена научно-технического романтизма, в том числе в его аксиологическом аспекте, обусловлена появившимися в последние десятилетия и получившими особое распространение в современной науке запросами на синтез рациональных и иррациональных путей осмысления реальности. Одним из таких и является научно-технический романтизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

научно-технический романтизм, рационализм, иррационализм, политико-философские учения, политическая культура.

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Метафора в научном исследовании](#)

[Система функций научно-технического романтизма](#)

[Ценностные основания и идеалы научно-технического романтизма](#)

[Заключение](#)

Yu. Chernyakhovskaya

Lomonosov Moscow State University

27/4 Lomonosovskii prospect, Moscow 119192, Russian Federation

D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage

20 Bersenevskaya naberezhnaya, Moscow 119072, Russian Federation

POLITICAL-PHILOSOPHICAL AND CULTURAL SYNTHESIS, POLITICAL FUNCTIONS AND IDEALS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ROMANTICISM

ABSTRACT

The aim of the study is to identify the ideals and functions of scientific and technical romanticism as a philosophical trend and the phenomenon of domestic political culture. Based on the methods of comparative analysis, as well as on the use of T. Parsons' systemic approach, the author conducts a study of the ideals of scientific and technical romanticism in their comparison with traditional values and other common value systems. The result of the study is the identification of the ideals and functions of scientific and technical romanticism, among which adaptation, integration, goal-setting and the formation of latent samples are of paramount importance. The relevance of the study of the scientific and technical romanticism phenomenon is in its axiological aspect, due to the emergence in recent decades of modern science requests for the synthesis of rational and irrational ways of understanding reality, which found special spread. One of these is scientific and technical romanticism.

KEY WORDS:

scientific and technical romanticism, rationalism, irrationalism, political and philosophical doctrines, political culture.

ВВЕДЕНИЕ

В данном исследовании под научно-техническим романтизмом понимается духовно-политический феномен, возникший предположительно в эпоху Просвещения на стыке философии, политической философии и культуры, получивший развитие в мироощущении XIX в. и достигший апогея в XX в., в первую очередь в Советском Союзе в эпоху Космического и Атомного прорывов.

Сутью научно-технического романтизма является соединение рационально и научно-технически обоснованного с идеально-желаемым. Основным содержанием – признание мира познаваемым и изменяемым: человек может познать мир благодаря научному исследованию, изменить благодаря расширению своих созидательных возможностей на основе достижений науки и техники, но при этом остаться человеком, сохранив всё то идеально значимое, что создано в этом мире [13; 15; 16; 18].

Таким образом, речь идёт о соединении начал познания и объяснения мира, с одной стороны, и включённой в них мотивации надежды, наполняющей смыслом коллективное действие. И определённая парадоксальная феноменальность явления состоит в том, что само рациональное познание, в своём статусе рациональности, становится мифологическим. Т. е. сама рациональность становится мифом, но не в вульгарном понимании мифологичности как предиката несуществующего, а в толковании мифологичности как реально существующей надежды, мотивирующей коллективное социальное действие. Научно-рациональное здесь выступает как политический миф, но миф выступает, в итоге, как рациональное политическое действие преобразования мира.

Эта рациональность и эта мифологичность, выступая в единстве, с неизбежностью находясь в определённом внутреннем противостоянии, формирующем его развитие и реализацию во внешнем мире. И данный феномен, как представляется, выступает не в качестве некой случайности [6], – а как своего рода этап общего историко-циклического колебания рационального и внерационального (трансцендентного) типов знания.

Цель исследования состоит в выявлении идеалов и функций научно-технического романтизма как философского течения и явления отечественной политической культуры.

На основе методов компаративного анализа, а также используя системный подход Т. Парсонса, автор проводит исследование идеалов научно-технического романтизма в их сравнении с традиционными ценностями и другими распространёнными ценностными системами.

Результатом исследования становится выявление идеалов и функций научно-технического романтизма, среди которых первостепенное значение имеют адаптация, интеграция, целеполагание и формирование латентных образцов.

МЕТАФОРА В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Если в начале прошлого века Э. Альбрехт писал: «Необходимость исключения из всех научных определений метафор разумеется сама собой» [19, с. 164], а известный философ и методолог науки М. Бунге подчёркивал: «Поэты, теологи и специалисты магии используют метафоры и аналогии, с помощью которых они рассуждают о предметах, ускользающих от непосредственного описания или возможно даже от рационального понимания. Но наука не теодицея и не чёрная магия... Предполагать, что научное объяснение метафорично – значит путать научную теорию с библейскими притчами...» [3, с. 165], то уже в 50-х гг. XX в. происходит резкое изменение отношения к метафоре и её роли в научном познании, о чём пишет Г. С. Баранов [2, с. 4, 5], называя её функциями в науке решение следующих проблем: 1) проблемы понимания вновь вводимых высокоабстрактных конструктов и теорий;

2) проблемы образования и развития новых научных понятий; 3) проблемы концептуальной преемственности между «несоизмеримыми» научными теориями и парадигмами.

Наблюдения, сделанные Г. С. Барановым о роли метафоры в научном познании, относятся именно к десятилетию, которое непосредственно находится в фокусе текущего исследования – к эпохе расцвета научно-технического романтизма в СССР [1; 4; 5; 7; 12].

Специфика обозначенного явления отражена в самом его названии: научно-технический романтизм заимствует логические методы у естественных наук и посредством их в художественных произведениях моделирует социальные и политические тенденции. Пользуясь научными методами компаративистики, научно-технический романтизм тем не менее не отказывается от метафоры как средства прорывного познания и целью своей ставит не только прогнозирование ближайших политических событий, характерное для политологии, но посредством момента творчества, фантастического, иррационального элемента пытается изучить будущее, построить модели стратегического, а не тактического развития.

Выше шла речь о том, что феномен научно-технического романтизма становится неким историческим продуктом циклов чередования, противостояния и единения мифологичности и рациональности, с одной стороны, и своего рода этапом общего историко-циклического колебания рационального и внерационального (трансцендентного) типов знания. Пожалуй, можно признать, что это порождает некий соблазн провести аналогию с рядом известных положений П. Сорокина, в первую очередь с идеей периодически сменяющих друг друга трёх суперсистем: идеациональной, идеалистической и чувственной [10, с. 429, 430, 433, 436, 452, 463, 661], – на определённом этапе в создаваемых колебаниях приводящих к болезненному состоянию общества¹, что в итоге при определённых обстоятельствах и обернулось, по его мнению, «кризисом современного мира» [9].

Однако эта аналогия при всей её привлекательности в данном случае оказалась бы неточна. Проблема в том, что П. Сорокин, рассматривая данное колебание и смену систем, по сути, закладывает в свою модель некую хроническую кризисность, так или иначе ведущую к катастрофе, из которой он видит выход уже в создании предлагаемого им интегративного общества и соответствующего типа культуры.

Предлагаемый в статье подход, как и сам феномен научно-технического романтизма, как представляется, содержат иную, в чём-то альтернативную

---

¹ «Напряжённость и разрядка, болезнь и здоровье, кризис и отдохновение беспрерывно сменяют друг друга в течение жизни индивида. Обычно они сосуществуют друг с другом, но время от времени то одна, то другая альтернатива становится доминирующей и придает окраску соответствующему этапу жизненного процесса. Аналогичная пульсация происходит в процессе исторического развития общества» [11, с. 661].

интенцию: на место сменяющим друг друга типам культур, несущих в себе свою ограниченность, предлагается поставить цикличность восхождения, где те или иные, казалось бы, ограниченности этапов являются не замёрзшими в своей недостаточности, а своей недостаточностью производящие своё дополнение. Т. е. речь идёт не о хроническом повторении кризисности, а о циклах восхождения, ведущих не к кризису современного мира, а дающих шанс этот кризис миновать.

Хотя, безусловно, в этом сопоставлении возможны и иные трактовки.

Попытка познать будущее является одной из характерных черт научно-технического романтизма как формы художественного творчества, однако эта черта не является единственной.

СИСТЕМА ФУНКЦИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Научно-технический романтизм реализует все четыре перечисленных функции классической культуры как фактора политического сознания:

A – обеспечивает адаптацию человека к стремительно меняющемуся миру XX–XXI вв.²;

G – занимается конструированием идеалов – как антропологических и этических, так и политических и онтологических³;

I – на определённом этапе стал силой, интегрировавшей общественные ожидания и государственные задачи в СССР и позволившей совершить научный и социальный рывок конца 1950 – начала 1960-х гг. Возможности его в этой сфере представляются не использованными до конца. Утверждение идей научно-технического романтизма сегодня позволило бы, возможно, повторить успешный опыт и совершить новый научный и производственный рывок;

² В этом смысле научно-технический романтизм обращается к проблемам, которые зачастую недооценивает традиционная культура, но которые находятся в поле внимания культуры классической как фактора политического сознания, так как весьма актуальны на сегодняшний день.

Попытки таких поисков осуществлялись и в рамках науки, породив такую дисциплину, как футурология, однако футурология оказалась ограничена методами логического познания и потому смогла лишь очертить контуры встающих перед человеком проблем. Футурология пошла путём позитивизма, полностью исключив из познания иррациональный компонент. Научно-технический романтизм, одним из проявлений которого стала художественная футурология, как видно из самого последнего названия, не ограничился методами дедукции и индукции. Прибавив к ним такое средство познания реальности, как метафора, он смог продвинуться вперёд гораздо дальше, но в силу ряда социальных и политических обстоятельств, которые заслуживают отдельного исследования, окончательного ответа найти не успел [8].

³ В этом плане он покрывает то поле, которое часто выпадает из внимания традиционной культуры как фактора политического сознания, так как она делает акцент на более частных идеалах – идеале человека, например, но практически исключает из поля зрения идеалы общества.

В то же время использование методов классической культуры как когнитивного метода позволяет научно-техническому романтизму превзойти в этой области социалистические теории, сделать модели общественного устройства более доступными для понимания неподготовленного индивида, а модели идеального человека – более достоверными.

L – сохраняет и формирует латентные образцы в двух аспектах, решая задачи и классической культуры в политическом сознании, и философии как когнитивного метода. А именно, с одной стороны, как и классическая культура, научно-технический романтизм сохраняет этические идеалы прошлого, адаптируя их к сегодняшней среде без разрушения ценностной основы⁴.

С другой стороны, как и философия, научно-технический романтизм уходит в поле поиска новых этических идеалов, новых ценностей, наследующих уже существующим.

Таким образом, научно-технический романтизм, объединяя в себе начала философии и классической культуры как факторов политического сознания и когнитивных методов, используя методы дедукции и индукции, а также методы метафоры и художественного моделирования, становится способом осмысления и конструирования реальности.

Научно-технический романтизм особый акцент делает на второй, целеполагающей функции AGIL-схемы. В виду этого его центральной функцией становится идеальное конструирование, т. е. конструирование образов общества, человека, моделей поведения, призванных стать идеалом для реципиента. Можно таким образом выделить два уровня подобного идеала – политический (или социальный) и индивидуальный (включающий себя антропологический и этический уровни идеала).

Задачам формулирования политического (социального) идеала служат политическая теория (в философии) и утопия (в классической культуре). Однако этими двумя формами не исчерпывается даже одна, целеполагающая функция научно-технического романтизма, так как второй уровень идеала – индивидуальный – может быть воплощён как в политических и философских трактатах, затрагивающих тему формирования нового человека, так и в других, отличных от утопии формах классической культуры как фактора политического сознания. Формулированию индивидуального идеала служит целый пласт культурного наследия, не обязательно относящегося к течению научно-технического романтизма. Предельно условно этот пласт можно обозначить как романтизм, так как в отличие от реализма авторы этих образцов культурного наследия ставят перед собой задачу не отражения реальности, а формирования идеала. Однако этим сходство научно-технического романтизма с романтизмом не исчерпывается, и потому последний термин всё же представляется не до конца удачным.

Второй центральной функцией научно-технического романтизма является прогнозирование, которое практически всегда присутствует во всех ключевых произведениях его классиков: в первую очередь А. Казанцева (от «Пылающего острова» через «Фаэтов» и до цикла «Возвращение в грядущее»),

---

⁴ В этом смысле научно-технический романтизм наследует романтизму XIX в. и противостоит тенденциям натурализации искусства, стремления отображать реальность вместо того, чтобы формировать идеал.

И. Ефремова (От «Путешествия Баурджеда», «Туманности Андромеды» до «Часа Быка»), А. и Б. Стругацких с их «Миром Полдня» и «Обречёнными мирами», Г. Мартынова («Гость из бездны» и др.), Г. Гуревича («Мы – из Солнечной системы») и др. [14]. Представляется, что в определённом разрезе, наряду с ними и как их предшественника, вполне можно назвать А. Богданова с его «Красной звездой» и «Инженером Мэнни». И здесь следует выделить такую форму трансляции научно-технического романтизма, как художественная футурология. Решая задачи классической научной футурологии, художественная футурология использует метафоры и искусственные образные конструкции так же, как классическая культура в качестве когнитивного метода использует метафоры, решая проблемы философии. Художественная футурология инструментально гипертрофирует существующие социальные, политические и индивидуальные тенденции, чтобы создать прогностические модели как позитивной, так и негативной направленности. Однако, рассматривая модели второго типа как форму классической культуры, фактора политического сознания, всегда необходимо ставить вопрос, насколько они отвечают функциям AGIL-схемы, так как в большинстве случаев негативные модели не выполняют функции целеполагания, хотя могут при этом решать задачи интеграции и формирования позитивных или негативных латентных поведенческих образцов. В случае невыполнения ими второй функции AGIL-схемы представляется рациональным отнести их к массовой культуре, в то время как, выполняя все четыре функции, они могут войти в поле культуры классической.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИДЕАЛЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Таким образом, представляется, можно сделать вывод, что в основании научно-технического романтизма лежат три ценностные группы: 1. ценности познания; 2. ценности созидания; 3. исторический прогресс / общественное благо, – во многом предопределяющие трёхуровневую концепцию его идеалов.

В различных интерпретациях этого учения также могут присутствовать ценности гуманизма, любви к человеку, порядка или свободы и ряд других ценностей, которые будут рассмотрены отдельно, однако ключевыми для философии научно-технического романтизма являются эти три, которые могут быть интерпретированы следующим образом:

1. Человек должен двигать общество по пути прогресса, конечной точкой которого является бесклассовое общество.
2. Двигателем прогресса есть и будет познание, вечное движение «от бесконечности тайн, к бесконечности знаний»⁵.
3. Общество познания – бесклассовое общество, которое подразумевает наличие свобод, добровольную деятельность на благо общества и человечества, свободный творческий труд для каждого человека.

⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б. От бесконечности тайн к бесконечности знаний // Техника – молодёжи. 1961. № 10. С. 6.

Названная аксиологическая база научно-технического романтизма в его реальном воплощении определяет конкретное наполнение утверждаемых им трёх уровней политико-философского идеала: идеала социально-политического, идеала межличностных отношений и личностного идеала [17]. Все три идеала раскрываются в философии научно-технического романтизма следующим образом:

1. Социально-политический идеал – бесклассовое общество, основанное на использовании достижений плановой экономики, где каждый человек обладает свободами вероисповедания, совести, творческого труда и т. д. Концепт «идеального общества» охарактеризован в первую очередь в трёх отечественных утопиях – «Туманность Андромеды» И. Ефремова, «Полдень XXII век» А. и Б. Стругацких и «Звёзды – холодные игрушки» С. Лукьяненко.

2. Личностный идеал – идеал «человека кольца» И. Ефремова, «коммунара» А. и Б. Стругацких, «геометра» С. Лукьяненко. В основе личностного идеала научно-технического романтизма стремление человека к познанию, направленному на пользу общества, творческому созиданию и совершенствованию окружающего мира.

3. Межличностный идеал⁶ научно-технического романтизма подразумевает уважительное отношение к ближнему, обладающему схожей системой ценностей при чётком осознании доминантного значения общего над частным, интересов общества над интересами одного человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научно-технический романтизм достиг наибольшего расцвета в СССР в 50–60-х гг. XX в. В этот период он приобрёл наиболее законченные формы и беспрецедентную для истории учения популярность в обществе. И в этом отношении он, конечно, оказался одним из существенных плодов «Советского проекта». Но в каком-то смысле сам Советский проект был продуктом именно тех начал, которые лежали в основе самого феномена научно-технического романтизма, как интенции, направленность сознания и мысли, и вели его изнутри туда, куда он по результатам и стремился.

Идейные истоки научно-технического романтизма сами формируются минимум тремя началами:

1. Развитие рационализма как философского течения от Античности и Древнего Востока до наших дней. Рационализм становится основой рациональной методологии познания научно-технического романтизма.

2. Развитие романтизма как идейного направления мировой культуры и фактора политического сознания. Романтизм даёт научно-техническому романтизму важный элемент стремления к идеальному.

⁶ Возможно, есть определённые резоны использовать и термин «идеал межличностных отношений», но в силу ряда нюансов более точным представляется именно «межличностный идеал».

3. Мировой литературный опыт прогнозирования и идеального конструирования, который даёт научно-техническому романтизму два ключевых метода: метод политического моделирования и метод гипертрофирования политических и социальных тенденций.

Каждое из них генерировалось автономно и было самодостаточным. Но каждое из них, формируясь в иной логике и в иной интенции, в отношении других постоянно оппонировало и альтернатизировалось им, тем самым воздействуя на оппонирующее и проникаясь свечением оппонирующего начала. Каждое было оппонентом и альтернативой другому. И каждое было исходно-первичным началом отражаемого им оппонента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев К. И. Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / отв. ред. Н. Д. Павлова. М.: ПЕРСЭ, 2002. С. 40–50.
2. Баранов Г. С. Научная метафора: в 2 ч. Ч. 1. М., 1992. 112 с.
3. Бунге М. Философия физики. М., 2003. 320 с.
4. Галкина О. В. Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса) : дис. ... к. филос. наук. Тверь, 2004. 141 с.
5. Деменский С. Ю. Научность метафоры и метафоричность науки: философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 155 с.
6. Дьяков А. В. Политическая функция интеллектуала: история и современность // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 21–32.
7. Идентичность, личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН: Вест Мир, 2017. 987 с.
8. Неклесса А. И. Будущее и грядущее: кризис современного мира // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 70–84.
9. Сорокин П. А. Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор. М.: Института социально-политических исследований РАН, 2009. 388 с.
10. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. 1054 с.
11. Сорокин П. А. Социокультурная динамика // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 332–393.
12. Полозова И. В. Метафора как средство философского и научного познания: дис. ... докт. филос. наук. М., 2003. 346 с.
13. Разум на распутье. Общественное сознание между прошлым и будущим / под ред. Ю. А. Красиной, А. Б. Веберы, А. А. Галкиной. М.: Аспект Пресс, 2017. 253 с.
14. Черняховская Ю. С. Братья Стругацкие. Письма о будущем: монография. М., 2016. 378 с.
15. Черняховская Ю. С. Научно-технический романтизм как форма политического сознания // Экономика и развитие. 2015. № 14. С. 122–131.
16. Черняховская Ю. С. О научно-техническом романтизме братьев Стругацких // Изборский клуб. 2015. № 9. С. 68–75.

17. Черняховская Ю. С. Политическая культура и политическая философия научно-технического романтизма: монография. М.: Московский государственный институт культуры, 2018. 315 с.
18. Черняховская Ю. С. Советская художественная футурология и классика футурологии западной: историческое опережение и знаковые расхождения // Власть. 2017. № 6. С. 164–168.
19. Albrecht E. Sprache und Philosophy. Berlin, 1975. 327 S.

REFERENCES

1. Alekseev K. I. [Metaphor in academic discourse]. In: Pavlova N. D., ed. *Psikhologicheskie issledovaniya diskursa* [Psychological study of discourse]. Moscow, PERSE Publ., 2002, pp. 40–50.
2. Baranov G. S. *Nauchnaya metafora. Ch. 1* [Scientific metaphor. P. 1]. Moscow, 1992. 112 p.
3. Bunge M. *Filosofiya fiziki* [Philosophy of physics]. Moscow, 2003. 320 p.
4. Galkina O. V. *Metafora kak instrument poznaniya (na materiale terminov-metafor komp'yuternogo interfeisa): dis. ... k. filos. nauk* [Metaphor as a tool of knowledge (on the basis of metaphor terms of a computer interface)]: PhD thesis in Philosophical sciences]. Tver', 2004. 141 p.
5. Demensky S. Yu. *Nauchnost' metafory i metafornost' nauki: filosofskii aspekt: dis. ... kand. filos. nauk* [Scientific metaphors and the metaphors of science: Philosophical aspect: PhD thesis in Philosophical sciences]. Moscow, 2000. 155 p.
6. D'yakov A. V. [The political function of intellectuals: history and modernity]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, no. 1, pp. 21–32.
7. Semenenko I. S., ed. *Identichnost', lichnost', obshchestvo, politika* [Identity, personality, society and politics]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations RAS Publ., Ves' Mir Publ., 2017. 987 p.
8. Neklessa A. I. [The future and the time to come: the crisis of the modern world]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2012, no. 2, pp. 70–84.
9. Sorokin P. A. *Krizis nashego vremeni: sotsial'nyi i kul'turnyi obzor* [The crisis of our time: social and cultural overview]. Moscow, Institute of socio-political studies Publ., 2009. 388 p.
10. Sorokin P. A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. St. Petersburg, Russian Christian Institute of Humanities Publ., 2000. 1054 p.
11. Sorokin P. A. [Socio-cultural dynamics]. In: Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Moscow, 1992, pp. 332–393.
12. Polozova I. V. *Metafora kak sredstvo filosofskogo i nauchnogo poznaniya: dis. ... dokt. filos. nauk* [Metaphor as a means of philosophical and scientific knowledge: PhD thesis in Philosophical sciences]. Moscow, 2003. 346 p.
13. Krasina Yu. A., Vebera A. B., Galkina A. A., eds. *Razum na rasput'e. Obshchestvennoe soznanie mezhdru proshlym i budushchim* [Mind at the crossroads. Public consciousness between the past and the future]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2017. 253 p.
14. Chernyakhovskaya Yu. S. *Brat'ya Strugatskie. Pis'ma o budushchem* [The Strugatsky brothers. Letters on the future]. Moscow, 2016. 378 p.

15. Chernyakhovskaya Yu. S. [Scientific and technical romanticism as a form of political consciousness]. In: *Ekonomika i razvitie* [Economy and development], 2015, no. 14, pp. 122–131.
16. Chernyakhovskaya Yu. S. [On scientific and technical romanticism The Strugatsky brothers]. In: *Izborny klub* [Izborsky club], 2015, no. 9, pp. 68–75.
17. Chernyakhovskaya Yu. S. *Politicheskaya kul'tura i politicheskaya filosofiya nauchno-tekhnicheskogo romantizma* [Political culture and political philosophy of scientific and technical romanticism]. Moscow, Moscow State Institute of Culture Publ., 2018. 315 p.
18. Chernyakhovskaya Yu. S. [Soviet art futurology and the classics of western futurology: a historical advance and significant differences]. In: *Vlast'* [Power], 2017, no. 6, pp. 164–168.
19. Albrecht E. *Sprache und Philosophie*. Berlin, 1975. 327 S.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.02.2019

Статья размещена на сайте: 26.03.2019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черняховская Юлия Сергеевна – кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, докторант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: julcher1@yandex.ru

Yuliya S. Chernyakhovskaya – PhD in Political sciences, associate professor, Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev; degree-seeking candidate at the Department of Russian politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: julcher1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Черняховская Ю. С. Политико-философский и культурный синтез, политические функции и идеалы научно-технического романтизма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Chernyakhovskaya Y. S. Political-philosophical and cultural synthesis, political functions and ideals of scientific and technical romanticism. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.